

О возможности научного социализма

С. Н. Булгаков против К. Маркса

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается критика большим русским философом С. Н. Булгаковым идеи научного социализма в его капитальном труде «Философия хозяйства». Обращается внимание на то, что философской основой этой критики у Булгакова является указание на первичность темы справедливости социалистического общества, которая рационализируется в теории научного социализма. Булгаков показывает, что в самой истории марксизма установка на справедливость предопределяет стремление к построению теории научного социализма.

Другой темой, обсуждаемой философом в рамках осуществляемой им критики идеи научного социализма, является неправомерность утверждения марксизма о существовании законов естественно-исторического типа, в соответствии с которыми происходит развитие общества как целого и которые рассматриваются в марксизме как основание возможности научного обоснования неизбежного наступления будущего справедливого общества. Согласно Булгакову научность социальной политики определяется опорой не на такого рода законы, а на статистические обобщения, своего рода эмпирические закономерности, выражающие тенденции развития тех или иных сторон общественной жизни в конкретных условиях и в конкретный исторический период.

Еще одним предметом критики Булгакова является желание говорить о развитии общества как целого. Научное исследование, по его мнению, должно быть конкретным и заниматься конкретными сторонами общественной жизни. Целое не может быть предметом научного исследования.

В статье обращается внимание на подобие взглядов Булгакова взглядам К. Поппера, изложенным им через четверть века после русского философа в его работе «Ниццета историцизма». К Поппер подвергает критике историцизм, под которым он понимает концепцию закономерного развития общества как целого, которая неизбежно оборачивается утопизмом. Попытки говорить об обществе как целом и пытаться преобразовывать его как целое он определяет как холизм, которому противопоставляет «частичную инженерию».

Автор статьи отмечает, что взгляды этих двух мыслителей, обнаруживающие несомненную схожесть, заслуживают того, чтобы быть представленными в современных дискуссиях о возможности социального предсказания.

Ключевые слова: воля, знание, закон, тенденция, утопизм, холизм, целое

Для цитирования: Александров В. Б. О возможности научного социализма. С. Н. Булгаков против К. Маркса // Управленческое консультирование. 2023. № 8. С. 96–104.

On the Possibility of Scientific Socialism. S. N. Bulgakov vs K. Marx

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with criticism by the great Russian philosopher S. N. Bulgakov's ideas of scientific socialism in his major work "Philosophy of Economics". Attention is drawn to the fact that Bulgakov's philosophical basis for this criticism is an indication of the primacy of the

theme of justice in a socialist society, which is rationalized in the theory of scientific socialism. Bulgakov shows that in the very history of Marxism, the focus on justice predetermines the desire to build a theory of scientific socialism.

Another topic discussed by the philosopher in the framework of his criticism of the idea of scientific socialism is the illegitimacy of Marxism's assertion about the existence of laws of a natural historical type, in accordance with which the development of society as a whole takes place and which are considered in Marxism as the basis for the possibility of scientific substantiation of the inevitable onset of a future just society. According to Bulgakov, the scientific nature of social policy is determined by relying not on such laws, but on statistical generalizations, a kind of empirical patterns that express the development trends of certain aspects of social life in specific conditions and in a specific historical period.

Another subject of Bulgakov's criticism is the desire to talk about the development of society as a whole. Scientific research, in his opinion, should be specific and deal with specific aspects of public life. The whole cannot be the subject of scientific research.

The article draws attention to the similarity of Bulgakov's views to the views of K. Popper, set forth by him a quarter of a century after the Russian philosopher in his work "The Poverty of Historicism". Popper criticizes historicism, by which he understands the concept of the natural development of society as a whole, which inevitably turns into utopianism. Attempts to talk about society as a whole and try to transform it as a whole, he defines as holism, which he contrasts with "partial engineering".

The author of the article notes that the views of these two thinkers, which reveal an undoubted similarity, deserve to be presented in modern discussions about the possibility of social prediction

Keywords: Will, knowledge, law, tendency, utopianism, holism, whole

For citing: Aleksandrov V.B. On the Possibility of Scientific Socialism. S.N. Bulgakov vs K. Marx // Administrative consulting. 2023. N 8. P. 96–104.

Возможность исторического предсказания, его основания и пределы, одна из философско-методологических тем, которые выходили на авансцену политологических дискуссий в условиях предложения теми или иными политическими силами образа будущего, к борьбе за достижение которого они призывали «прогрессивные» слои общества. Естественно, «преобразовательный» оптимизм предполагает веру в возможность рационального определения контуров будущего справедливого и разумного общества, в котором людям уготована счастливая и благополучная жизнь. Такой верой в возможность рационального предсказания будущего была наполнена, в частности, марксистская идеология, призывавшая к построению коммунистического общества. Эта вера, как известно, базировалась на убеждении в том, что марксизм является наукой, открывшей объективные законы общественного развития, которые и являются основой социальных предсказаний. В этом духе рассуждали и основоположники марксизма, и социальные теоретики позднего советского периода. В качестве выразительного примера такого рассуждения можно назвать обоснование возможности исторического предсказания известным советским философом А. И. Ракитовым, осуществленное в его книге «Историческое познание» [3, с. 176].

По поводу возможности исторического предвидения в истории социальной мысли было высказано немало скептических соображений. Одно из наиболее глубоких рассуждений, призванных показать спорность претензий на научное представление будущего, которое могло бы определить политическую практику, направленную на его достижение, мы встречаем в фундаментальной работе выдающегося представителя русской религиозной философии С. Н. Булгакова «Философия хозяйства». Несмотря на давность, критика убеждения в возможности социальных предсказаний, данная русским мыслителем, имеет значение и в наши дни. Она представляет собой пример глубокого и основательного исследования границ и возможностей социального познания, критического осмысления утверждения о существовании

исторических законов, которые могли бы рассматриваться как основание исторического предсказания. В книге Булгакова содержится предостережение, не потерявшее значение и в наши дни, против утопических изысков и прожектов политических сил, истязающих своими измышлениями общественное сознание.

В данной статье мы обратимся к критическим соображениям, которые высказал С. Н. Булгаков в адрес идеи научного предсказания наступления социалистического общества, представленной в социальной философии марксизма.

Отправной точкой его рассуждений является тезис, согласно которому обоснование образа будущего, предлагаемое в марксизме и претендующее на научность, предопределено потребностью в рационализации многовековых чаяний человечества о достижении историей своего итога в справедливом общественном устройстве. Переводя дискуссию на уровень серьезной философской рефлексии, С. Н. Булгаков остро поставил фундаментальный вопрос, имеющий отношение к пониманию смысла и возможностей социального познания, — вопрос о соотношении ценностных установок и связанного с ними волевого настроя к изменению общества, с одной стороны, и научных аргументов в пользу соответствующего изменения общества, с другой. Другими словами, русский философ ведет речь о том, может ли стремление к изменению общества, воля к справедливости, коренящаяся в неудовлетворенности существующей жизнью, находить в науке свое оправдание. Или в более общем виде: может ли воля найти в знании свою опору и обоснование своей устремленности. Ответ русского мыслителя категорически отрицательный. «Иллюзия „научного социализма“», — писал С. Н. Булгаков, — которую ослепляли себя и своих доверчивых последователей Маркс и Энгельс, в том именно и состоит, будто наука может служить не только опорой для социалистической политики, давая некоторую поддержку социалистических надежд, но и основой самой воли к социализму» [1, с. 258].

Сам Булгаков по этому поводу высказывается в том духе, что даже если предположить, что движение общества в направлении нового общественного устройства объективно необходимо и закономерно, то это не гарантирует рождения воли к движению в этом направлении. Булгаков остроумно подмечает, что «научно устанавливаемая необходимость развития капитализма в России, не порожидала в русских марксистах воли к капитализму, напротив, воля их была направлена за его пределы, к тому социалистическому строю, который может будто бы наступить лишь после того, как „мужик выварится в фабричном котле“» [1, с. 258].

Иными словами, полагает Булгаков, первичным фактором, вызывающим к жизни идею социализма, является воля к социальной справедливости. Она есть выражение некоторой веры, по сути дела религиозной, в неизбежность наступления общества, в котором наступит всеобщее равенство и благоденствие. Социалистическая теория вызывается к жизни как способ обоснования этой веры. В силу этого обстоятельства она неизбежно оказывается продуктом своего рода схоластической философии, ищущей аргументы для обоснования идеи, порожденной силой человеческого умозрения.

Эта первичность веры и воли к социализму, по наблюдению Булгакова, просматривается и у самих основоположников марксизма. Он отмечает, что «вопрос о социализме был разрешен у Маркса в положительном смысле еще с 1844 года, и система „научного социализма“ уже вполне определенно имеется в „Коммунистическом манифесте“ 1848 года, предвосхищавшем все важнейшие научные идеи „Капитала“, между тем как углубленные научные занятия Маркса в области политической экономии, даже по его собственному заявлению, относятся лишь к лондонской эпохе, к 50-м и 60-м годам» [1, с. 25].

Таким образом, научный социализм, по словам Булгакова, есть не что иное как попытка рационализировать веру в справедливое общество, истоки которой теря-

ются в глубине веков. И если присмотреться к обоснованию неизбежности наступления нового общества в трудах классиков марксизма, то нетрудно будет увидеть умозрительность теоретических построений, призванных доказать объективную закономерность наступления социализма.

Обратимся к известной работе Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», в которой Энгельс стремится показать, что изначальное стремление людей к равенству и справедливости находило свое выражение не только в реальной борьбе, но и в умозрительных построениях на тему справедливого общества, которые оказывались утопиями. Утопиями предшествующих веков, включая утопии великих социалистов-утопистов XIX в., как полагает Энгельс, не были установлены действительные механизмы построения нового общества, поскольку они не обозначились столь определенно в самой общественной жизни, как это случилось в XIX в. Именно в это время произошло невиданное ранее обобществление производства — заводы и фабрики собрали в своих стенах огромное количество пролетариев, которые составляют ту реальную силу, которая может изменить общество в направлении упразднения изжившего себя капиталистического способа производства, и осознание этого обстоятельства становится теоретической основой социалистической пролетарской революции. Утопия в этих условиях, по Энгельсу, уступает место науке. Иными словами, скажем мы, наконец-то появилась возможность доказать то, что ранее никак не доказывалось, — «подогнать» научное доказательство под желаемый ответ.

Однако при ближайшем рассмотрении в плане своих методологических оснований образ будущего общества и путей к нему, созданный Энгельсом, по сути дела, не отличается от предшествующих утопий. Рассуждение идет на достаточно общем уровне и, не подкрепляется конкретным анализом механизмов, которые могут обеспечить построение желаемого общества. Здесь мы сталкиваемся именно с той ситуацией, о которой говорит Булгаков. Воля к справедливому обществу определяет поиск и обоснование путей его достижения.

Из обстоятельного анализа современного ему капиталистического общества, проделанного Энгельсом, никак не следуют в качестве необходимого следствия пролетарская революция вместе со всеми социальными преобразованиями, о которых говорит Энгельс. Из этого следует лишь возрастание масштабов протестной активности трудящихся, которая обуславливает поиск господствующим классом средств снижения остроты этой активности, механизмов преодоления кризисов перепроизводства, о которых говорит Энгельс.

Сам же Энгельс следующим образом описывает содержание «пролетарской революции», трактуя это описание как представление научно обоснованного пути к построению нового общества. Он, в частности, пишет: «Пролетарская революция, разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силою этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим он освобождает производительные силы от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их собственной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с этим и самую природу этого переворота и, таким образом, выяснить ныне угнетенному

классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения» [4, с. 145].

Когда общество возьмет во владение и средства производства (в условиях социализма), когда будет устранено товарное производство, анархия внутри производства заменится плановой организацией производства, произойдет следующая трансформация: «Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству... Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю... Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [4, с. 143].

Мы привели столь длинную цитату для того, чтобы максимально полно представить «научную» аргументацию в пользу закономерного наступления социалистического общества. Между тем приведенный текст при всем желании нельзя рассматривать как соответствующий требованиям научного исследования. Достаточно сказать, что перед научным социализмом ставится задача обосновать то, что уже принято как абсолютная истина. (Исследовать условия и природу переворота, который уже принят как необходимый — воля предшествует разуму.)

Предлагаемые следствия обстоятельно описанных обстоятельств выглядят, мягко говоря, мало обоснованными. Например, заключение о том, что «пролетариат берет общественную власть и обращает... общественные средства производства в собственность всего общества». Остается непонятным — как берет, как обращает средства производства в собственность всего общества, как освобождает производительные силы, как и почему теперь становится возможным производство «по заранее обдуманному плану». Почему происходит «отмирание политического авторитета государства», остаются ли функции, которые может выполнить только государство и пр. Социализм, как и прежде, оказывается прекраснотдушным мечтанием. Но может ли он быть чем-то иным — например, закономерно наступающим типом общества?

Рассуждения, подобные тому, которое мы привели, могут в лучшем случае претендовать на некоторый прогноз, предлагающий один из возможных вариантов развития, но не на обоснование объективно и необходимо действующего закона общественного развития.

В своей критике возможности рассматривать социализм как неизбежно наступающее будущее Булгаков обсуждает и еще один фундаментальный вопрос. Это вопрос о том, правомерно ли вообще говорить о законах общественно-исторического развития (законах естественно-исторического типа по Марксу), которые могут стать основой и успешного предсказания будущего общества, и успешной социальной политики (понимаемой в смысле революционного преобразования общества как целого). В марксистском и советском обществоведении этот вопрос, естественным образом, решался положительно и все программные документы партии, по сути дела, исходили из этой посылки.

Булгаков обращает внимание на то, что выявление некоторой логики в предшествующей истории не означает возможности проецирования установленной тенденции в будущее, поскольку на характер протекания социальных процессов огромное влияние оказывает личностный фактор и разного рода привходящие обстоятельства. Ссылаясь на логику Канта, он утверждает, что закономерность предшествующей истории устанавливается разумом как способ систематизации имеющихся фактов. Он вполне в кантовском духе утверждает, что разум не уста-

навливают действительные законы истории, он предписывает истории законы, вводя в хаос исторических фактов некоторую связность и последовательность.

Поэтому, согласно Булгакову, рассуждения о процессах, происходящих в обществе, должны опираться не на идею объективных законов развития общества, а на идею первичности жизни, тезис, который Булгаков конкретизирует идеей хозяйственного отношения человека к действительности, которое понимается им не как сугубо производственная деятельность, а как всякая деятельность, направленная на поддержание человеком собственного существования. Позиция Булгакова в том, что человеческая деятельность — это единство свободы и необходимости, в силу чего говорить об однозначной детерминированности человеческой деятельности нельзя.

Сказанное не означает невозможности предсказаний в социальной науке. Но эти предсказания, согласно Булгакову, не могут быть связаны с открытием «естественно-исторических законов» исторического процесса, о которых говорит Маркс. Основу практики предвидения в социальных науках составляют «эмпирические законы», «научные обобщения, выражающие лишь равнодействующую данного положения вещей и ничего не говорящие о неизменности такого положения, а следовательно, и самих этих тенденций» [1, с. 259]. Социальная практика должна опираться на эмпирические обобщения, фиксирующие реальные, «близлежащие» тенденции, значительное опережение которых может привести к разрушительным для общества последствиям.

Эмпирические обобщения, говорит С.Н. Булгаков, имеют «совершенно иную логическую природу, нежели напр., законы механики или математического естествознания. Они улавливают общую закономерность для данной „совокупности“ лишь в следствиях, а не в производящих причинах, потому и „значимость“ их очень ограничена» [Там же]. Иными словами, он подчеркивает статистический характер тех обобщений, на которые может опираться социальная практика.

Речь может идти об установлении некоторых тенденций в развитии, в частности, в развитии экономики, которые при их мысленном продолжении могут привести к социализму (пример — концентрация капиталистической промышленности) и могут быть основой социальной политики, подобно тому, как практика страхования от огня пользуется данными пожарной статистики, в качестве средства научного ориентирования.

Согласно Булгакову, именно обращение к таким закономерностям (тенденциям, установленным для конкретной совокупности) является критерием и признаком научности социальной политики. Говорение от имени естественно-исторической закономерности применительно к социальной реальности оборачивается ничем иным, как утопизмом и беспочвенным фантазерством, доктринерством и мнимой научностью.

Точка зрения Булгакова противостоит «научности» марксизма в ответе на вопрос о неизбежности наступления коммунизма — земного рая, идеального состояния жизни отдельных личностей и общества, приносящего с собой разрешение всех жизненных проблем и обозначающее «прыжок из необходимости к свободе». Булгаков остроумно замечает, что «социализм, имеет, конечно, столько же общего с научностью, как и картины Магометова рая» [1, с. 259].

Булгаков резюмирует свои рассуждения так: «Конечно, того детерминизма, который мерещится... многим, в социальной политике не больше, чем во всякой живой деятельности, поэтому, если под научностью разуместь ее полную детерминированность, то следует сказать, что научной социальной политики не существует, как вообще не существует научного действия... напротив, если научность понимать как пользование данными научного опыта при обосновании плана действий, то социальная политика может быть научной и фактически часто является

таковую» [1, с. 255]. Однако это не означает, что возможна только одна научная политика, что из «данных научных посылок с необходимостью следовала только одна система политики» [1, с. 257]. Возможны «различные, но в то же время с одинаковой степенью научности обоснованные направления социальной политики» [1, с. 257].

Интересно, что идеи, близкие тем, которые высказывал Булгаков, через четверть века повторил К. Поппер в своей знаменитой работе «Нищета историцизма». В этой работе Поппер подвергает критике историцизм — способ мышления, утверждающий существование законов общественного развития, в силу действия которых рано или поздно должно быть достигнуто некоторое высшее состояние общества. Этот способ мышления, по Попперу, неизбежно наполнен утопизмом.

Позиция Поппера заключается в том, что говорить о законах эволюции в принципе неправомерно. Речь может идти о тенденциях, которые надо со всей определенностью отличать от законов. Тенденции могут быть полезным статистическим приемом, но не более того, пишет Поппер. При этом тенденции касаются отдельных социальных факторов, но не развития общества в целом. «Положим, — говорит Поппер, — любое изменение измеримого социального фактора — например рост населения, можно графически представить как линию, точно так же как путь движущегося тела. Но ясно, что такая диаграмма не отображает того, что называют движением общества. <...> Мы можем, конечно, соединить несколько диаграмм в одно многомерное изображение. Однако и итоговая диаграмма не дает представления о пути движения общества; она говорит нам не больше, чем вместе взятые отдельные диаграммы; она представляет не движение „общества в целом“, но только изменение его отдельных произвольно выбранных сторон» [2, № 10, с. 33].

Очень близкое этому рассуждение мы встречаем у Булгакова. «Каждая же специальная наука, — писал русский мыслитель, — рассматривает социальную жизнь, очевидно, по-своему, с разных сторон, проводит на глобусе знания свою особую кривую, хотя может быть и пересекающуюся, однако не сливающуюся с другими. Социальные науки множественны, как и наука вообще, а потому множественны и устанавливаемые ими закономерности. Но это значит, что каждая из них, выражая какую-либо сторону социальной жизни, не достигает ее глубины, не исчерпывает социальной действительности» [1, с. 249].

Различая понятия тенденции и закона, К. Поппер не без основания полагает, что «суждение, утверждающее существование тенденции в определенный момент времени в определенном месте является единичным историческим суждением, а не универсальным законом... мы можем основывать научные предсказания на законах, но никак на простом существовании тенденций (это известно каждому грамотному статистику). Тенденция (в качестве примера опять можно взять рост населения), которая продержалась сотни и даже тысячи лет, может измениться в течение десятилетия, а то и быстрее» [2, № 10, с. 34].

Здесь обозначается еще одна сторона проблемы предсказания социалистического будущего — возможность предсказания развития общества как целого. По этому вопросу Булгаков замечает, что в принципе предсказывать развитие общества как целого наука не может. Она способна лишь исследовать отдельные стороны его структуры. «Живое целое социальной жизни не ложится под скальпель научного анализа, так же точно, как и живая природа ускользает от науки, а потому всякое притязание со стороны социальной науки исчерпать социальную жизнь до глубины, научно предугадать ее течение, ее „творческую эволюцию“, должно быть отвергнуто как незаконное...

Поэтому между прочим и притязания „научного“ социализма научно предопределить социальную жизнь и даже вообще человеческую историю, найти „закон раз-

вития общества” должны быть отвергнуты как совершенно некритическое преувеличение: *ne sutor ultra crepidam*» [1, с. 249].

Через четверть века эту же мысль настойчиво проводит и К. Поппер. В уже упоминавшейся работе он проводит различие между частичной инженерией и холизмом, который свойственен историцистскому мышлению.

Остановимся на некоторых принципиальных аспектах попперовской аргументации, направленной против холизма. Холистская установка, согласно Попперу, встроена в историцистское мышление, утверждающее возможность говорить о законах эволюции общества как целого, которые могут быть научно обоснованы, и, соответственно, о возможности практического преобразования общества как целого. Главными представителями такого способа мышления Поппер считает Платона и Маркса. Поппер же, как и Булгаков, в противовес холистам утверждает, что целое не может быть объектом научного исследования или любой другой деятельности, например контроля или перестройки. «...Всякое знание — будь то интуитивное или дискурсивное — должно быть знанием отдельных (abstract) сторон и ... мы никогда не сможем схватить „конкретную структуру социальной реальности как таковую”» [2, № 9, с. 34]. «...История, как и всякий другой вид исследования, может иметь дело только с избранными сторонами интересующего ее объекта. Убеждение в том, что возможна история „Состояний общества“, которые представляют „целостность социального организма” или „все социальные и исторические события эпохи”, — является ошибочным... Всякая написанная история есть история какой-то ограниченной части „совокупного” („total“) развития, причем всегда неполная история даже и этой отдельной неполной части» [2, № 9, с. 35].

Приведенные размышления двух больших мыслителей свидетельствуют о несомненной близости их взглядов. Эта близость выразилась в схожем отношении к идее законов развития общества как целого и основанной на ней идее научно обоснованного, а значит, объективно необходимого наступления социалистического общества. Неприятие такого рода законов означает отказ от попыток научного предсказания справедливого общества будущего. Это неприятие обуславливает и принципиально иное понимание самой научности социальной политики. Научность должна заключаться в опоре не на незыблемые и универсальные естественно-исторические законы, а на статистические обобщения, выражающие некоторые эмпирические тенденции изменения тех или иных сторон общественной жизни.

Литература

1. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства* // Булгаков С. Н. Соч. в 2-х т. Т. 1. М. : Наука, 1993.
2. Поппер К. Нищета историцизма // *Вопросы философии*. 1992. № 8, с. 40–79; № 9, с. 22–48; № 10, с. 29–58.
3. Ракитов А. И. *Историческое познание*. М. : Политиздат, 1982.
4. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Избранные произведения* в 2-х т. Т. 2. М. : ОГИЗ, 1949.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Bulgakov S. N. *Philosophy of economy* // Bulgakov S. N. *Works in 2 vol.* Vol. 1. M. : Science, 1993 (in Rus).

2. Popper K. Poverty of historicism // Questions of philosophy. 1992. N 8, p. 40–79; N 9, p. 22–48; N 10, p. 29–58 (in Rus).
3. Rakitov A.I. Historical knowledge. M. :Politizdat, 1982 (in Rus).
4. Engels F. The development of socialism from utopia to science // K. Marx, F. Engels. Selected works in 2 vol. Vol. 2. M. :OGIZ, 1949 (in Rus).

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Social Science of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru